

Ознобищев С.К.

Уважаемые коллеги и друзья!

Не вызывает сомнения, что с нынешней администрацией Белого Дома России абсолютно необходимо активно искать пути конструктивного взаимодействия. Если, однако, в достаточном объеме этого сделать не удастся, то большой трагедии не произойдет, поскольку с высокой долей вероятности меньше чем через четыре года нашими партнерами в США снова могут стать демократы. В пользу такого заключения говорят по крайней мере два фактора: абсолютно уникальный "дефицит превосходства" в голосах избирателей по результатам выборов и ухудшающаяся экономическая ситуация в самих США, что скажется на уровне жизни и понизит еще больше и так не слишком высокую популярность республиканского руководства. По опыту отношений с республиканцами в прошлом, у многих наших политиков и экспертов сложилось мнение, что после первоначального охлаждения отношений (тоже характерного для наших отношений с ними в начале президентского срока – вспомните хотя бы квалификацию СССР как "империи зла", сделанную Рональдом Рейганом в первые годы своего правления) с республиканцами в итоге договариваться и иметь дело проще, чем с демократами. Часто приводимый в этой связи период президентства Рейгана всем хорош, кроме того, что тогда у нас была очень большая возможность "разгона" по времени – два срока президента Рейгана и один срок президента Буша-старшего.

Кроме того, и это существенно важнее, тогда, благодаря Президенту Горбачеву и иницизированной им демократической перестройке отношений внутри страны и с другими государствами мира, сами основы взаимодействия между нашими странами начали стремительно меняться – в них стало утверждаться беспрецедентное доверие и стремление к скорейшему разрешению всех имевшихся противоречий. Мы жили в иной эпохе – после длительного периода застоя, когда любые даже абсолютно необходимые инициативы в области контроля над вооружениями, например, продвигались с огромным трудом – с середины 80-х все "бродившие" ранее идеи выплеснулись наружу, обеспечив быстрое продвижение и сближение позиций буквально на всех направлениях двусторонних отношений с США и многосторонних отношений с Западом. Кстати, очень важно, что буквально весь процесс сокращения и ликвидации вооружений в то время находился под пристальным контролем политической власти – более того именно политики самого высокого уровня, часто Горбачев лично, ставили рубежи для переговорщиков и точно в срок спрашивали выполнение намеченного. Часто даже, в процессе самих переговоров, поступала команда от политиков о необходимости придания им ускорения.

Был и мощный личностный фактор – обаяние Горбачева, как "спасителя" всего западного мира от ядерной угрозы, что кардинальным образом облегчало достижение любых договоренностей с западными лидерами. Со своей стороны, президент Рейган был человеком искренним, в ряде крупных политических вопросов "добросовестно заблуждающимся", легко поддающимся под влияние как негативное (с нашей точки зрения), так и позитивное. Например, в вопросах ПРО американский лидер с самого начала был под плотным воздействием известных ученых и экспертов, выступавших за развертывание эшелонированной ПРО с элементами космического базирования. Причем, как вы помните, разрешения Москвы на деятельность в противоракетной области никто в Вашингтоне тогда спрашивать не собирался. Однако уже в Рейкьявике Горбачеву удалось уговорить американского президента на совершенно беспрецедентный поворот – на полный отказ от ядерного оружия в будущем. Другое дело, что высокопоставленная бюрократия не позволила президенту США позже следовать этой устной договоренности. Тем не менее, в итоге по целому комплексу причин в США вскоре отказались от планов ускоренного создания и развертывания широкомасштабной ПРО. Как представляется, между Джорджем Бушем-младшим и Рейганом есть некоторые общие черты, объединяющие их как человеческих типажей и политиков. И это вселяет определенную надежду на возможность ощутимого и конструктивного поворота в отношениях с Россией. Таким образом, может оказаться, что *на сегодня для заметного позитивного изменения российско-американских отношений может оказаться больше субъективных предпосылок, чем объективных.*

Действительно, что касается объективных характеристик нынешней ситуации в двусторонних отношениях, то они не внушают оптимизма. За 90-е годы при декларированном изначально стратегическом партнерстве, дружеском и даже союзническом характере отношений между Москвой и Вашингтоном, мы допустили их серьезную деградацию до уровня близкого если не к "холодной войне", то к "холодному миру". Практически полностью испарилось взаимное доверие – необходимый фундамент любых договоренностей. В политическом плане произошло крайне нежелательное явление – "идеологизация отношений", когда любое действие, инициатива любой из сторон априори стали восприниматься негативно другой стороной. В России возникла и окрепла устойчивая антиамериканская оппозиция в кругах, принимающих решения, как на исполнительном, так и на законодательном уровне. Причем, вследствие эгоистической и бездумной позиции Запада, прежде всего США, в число этой оппозиции вынужденно вошли и представители демократических кругов, бывшие ранее сторонниками укрепления и развития отношений с США. В торгово-экономической области ликвидирована комиссия Гора-Черномырдина и ничего не образовано взамен. Исчез единственный механизм "высокого уровня", который хоть как-то способствовал продвижению крупных проектов государственного уровня.

Единственной областью, в которой движение не может быть так просто приостановлено в силу значительной объективной инерции, является область сокращения и ликвидации вооружений. Однако бездумное и одностороннее внедрение американской стороной в эту сферу противоракетной тематики и мотивов относительно возможной модернизации (как вариант – подрыва и, к тому же, одностороннего) Договора по ПРО способно надолго застопорить любое движение и на этом направлении.

К тому же, озвучиваемые предложения относительно перспективности односторонних сокращений крайне опасны и ведут дело к тому, что процесс диалога, переговоров перестанет быть необходимым. Такой поворот абсолютно нежелателен для России – так как лишает ее, пожалуй, единственной области взаимодействия, где США были вынуждены проявлять интерес к России, считаться с ее позицией и стремиться к диалогу с ней. Необходимость для США этого "стратегического" диалога с Россией как раз и являлась все последние годы ключевым фактором, который позволял все еще причислять нашу страну к числу великих держав.

Есть, естественно, и иные дополнительные соображения – односторонние сокращения, совершенные вне рамок договоренностей, будут лишены транспарентности, а значит, в нынешних условиях породят еще большую взаимную подозрительность. Без договоренностей каждая сторона к тому же будет свободна в формировании собственного стратегического ядерного потенциала, а значит, наверняка ряд его компонентов покажется дестабилизирующим для другой стороны. Если российские военные, в итоге таких односторонних сокращений, решат возвратиться к большему (по сравнению с разрешенным в рамках СНВ-2) числу МБР с РГЧ ИН (о чем сейчас ведется много разговоров), то США в условиях отсутствия ограничений и обладая на сегодня превосходящим экономическим и технологическим потенциалом, очевидно, начнут быстро восстанавливать свой потенциал сдерживания в ответном ударе. Тем самым будет развязана практически неограниченная гонка вооружений, причем по критериям качества, а не количества, что сделает для России бесперспективным на нынешнем этапе "переиграть" США. Можно констатировать, что в области сокращения и ликвидации

вооружений в целом в конце прошлого века произошло заметное замедление темпов, снижение количественных и качественных показателей этого процесса.

В значительной степени вина за деградацию наших отношений с США лежит на самих западных лидерах. Во второй половине 90-х годов характерной чертой западной политики стало игнорирование мнения России по ключевым проблемам европейской и мировой безопасности, действия вопреки оппозиции России. Это проявилось, в первую очередь, в принятом курсе на расширение НАТО, что стало долговременным и во многом определяющим фактором негативного изменения наших отношений. В западной политике стало распространенным "стилем поведения", когда принималось важное решение, а Россию ставили в известность лишь "de facto".

С первых шагов проведения такой политической линии России говорилось, что для нее будет найдено специальное место. Его попытались найти в т.н. "Основополагающем акте", принятом в 1997 году, посредством участия России в работе Совместного постоянного совета. Однако оказалось, что России уготована не более чем консультативная роль. Это отчетливо проявилось и в Боснии, и во время косовского кризиса. Начало бомбардировок Югославии вопреки позиции России и, что еще серьезнее, при полном игнорировании Устава ООН было воспринято у нас как циничное подтверждение реального места России в процессе принятия решений на панъевропейском и мировом уровне. Отчаянный бросок наших десантников в зону аэропорта Приштины поставил нас на грань локального военного противостояния с Западом. В восприятии российских политиков и политологов "организующей силой" политики Запада являются США – потому во многом отношения Москвы с Вашингтоном за последние годы и оказались в наихудшей форме.

Есть ли выход из создавшейся ситуации? Безусловно, да. Мы вступаем в новый век и новую эпоху наших отношений.

Поменялись лидеры наших стран и это само по себе предполагает возможность новых подходов, которые, надеюсь, будут основываться меньше на декларациях и больше на прагматизме.

Объективности ради надо отметить, что многое в наших отношениях будет зависеть от того, какую страну мы собираемся строить, а главное – от качества создаваемых у нас внутри демократических институтов. Серьезного отношения к России вряд ли можно будет добиться, если эти институты будут иметь формальный "декоративный" характер. Многое будет зависеть и от восприятия на Западе курса нашей внутренней политики, уровня стабильности, степени свободы прессы и гарантированности прав и свобод личности. Очень неприятно, но об этом в сегодняшней России приходится говорить. Следует констатировать, что с заметным люфтом, но эти ценности по-прежнему имеют значение для Запада, а значит, в западных столицах будут строить свою политику с Москвой и с учетом этих факторов.

Необходимо также отметить, что Россия во многом еще только определяется в приоритетах и конкретном содержании своей политики. Этот процесс – реактивный, происходящий часто как ответ на действия Запада. *Поэтому очень многое во внутренней и во внешней политике России будет зависеть от перспективной политики Запада.* Если Запад будет продолжать не считаться с нашей позицией, то, соответственно, у нас здесь весомые аргументы будут получать те силы, которые совершенно спокойно можно называть недемократическими. Важной задачей предстоящей встречи в верхах может стать донесение этого важнейшего, определяющего наши отношения фактора до собеседника.

Сейчас первоочередной задачей является восстановление самой возможности нормального диалога между странами и взаимного доверия как основы для такого диалога. Это может быть сделано, например, разработкой и подписанием совместного документа – **Соглашения об основах взаимоотношений между Россией и США**. Напомню, что принятие сходного документа в 1972 году сделало возможным последующий прорыв в отношениях СССР и США. Нам вновь не мешает затвердить основные принципы и параметры наших отношений, что привнесет в них весомый элемент стабильности. Нам абсолютно необходимо снять имеющиеся озабоченности относительно возможного поведения друг друга в кризисных ситуациях, например, дать гарантии того, что мы строго будем следовать принятым правовым процедурам. Или что будем стремиться к поддержанию международной стабильности. Короче, в документ может быть включено все, что представляется важным и что требует прояснения с точки зрения обеспечения стабильного, предсказуемого и конструктивного поведения другой стороны.

Сегодня перед российской политикой в отношениях с США стоят два комплекса задач.

Задача определения долгосрочных отношений с США. Россия не может позволить себе отказываться от переговоров с США, как это заявлялось совсем недавно. Вступать в переговоры или консультации просто необходимо, но не для обсуждения одних лишь перспектив создания ПРО. *Мы должны предложить американцам обсуждение гораздо более широкого контекста отношений и проблемы ПРО, как небольшой их части.*

В первую очередь необходимо прояснение основополагающих понятий наших отношений, чего так и не удалось сделать до сих пор. Не могу не заметить, что отсутствие общего согласованного понимания базисных принципов и основополагающих элементов наших отношений помешало реализовать, а затем и полностью подорвало декларированное в начале 90-х годов стратегическое партнерство. Россия сегодня может предложить серьезный диалог по определению существа наших отношений. Необходимо вновь декларировать уровень наших отношений: кто мы – потенциальные соперники, партнеры или, в перспективе, друзья и союзники. Следует прояснить, почему, по каким причинам так легко меняется характер наших отношений. Как объяснить, что даже в периоды "стратегического партнерства" наши стратегические ядерные потенциалы оставались нацеленными друг на друга? Что каждая из сторон понимает под понятием стратегической стабильности? Возвращаемся ли мы к временам геополитического соперничества и почему? В чем причина нынешнего ухудшения наших отношений, роста недоверия и настороженности? Таких кардинальных вопросов, серьезнейших нестыковок, разваливающих наши отношения, накопилось слишком много и в этом еще одно свидетельство того, что в отношениях России с США все далеко не в порядке.

В стратегической ядерной области следует придти к общему пониманию понятия стратегической стабильности, неприемлемого ущерба и т.п. Давно следует также начать консультации на рабочем уровне (что не поздно сделать и сейчас) относительно характера и спектра угроз национальной безопасности, что позволит выйти на оценку перспектив взаимодействия по преодолению этих вызовов. Тем самым будут решены две задачи. Во-первых, будут заложены основы для практического взаимодействия России и США. Во-вторых, в этом контексте может найти свое место, как всего лишь один из элементов противодействия угрозам (в случае если стороны решат, что иные средства окажутся недостаточно эффективными) и система противоракетной обороны. Но переход к созданию элементов ПРО (а возможно, и совместной системы ПРО) в таком сценарии будет результатом согласованного решения сторон. Таким образом, проблема ПРО становится лишь маленькой частью в значительно более широком контексте обеспечения безопасности России и США. Сегодня же, вместо согласования повестки дня, как правило, практически постоянно одна из сторон требует от другой срочного решения проблем, которые не воспринимаются партнером по диалогу как приоритетные. Более того, из-за разницы в восприятии, призывы к решению произвольно изымаемых из контекста проблем часто воспринимаются другой стороной как угроза собственной безопасности.

В целом, следовало бы в принципиальном плане выделить области, приоритетность которых стороны оценивают сходным образом и постараться наметить там **сотрудничество в интересах безопасности сторон**. Такими областями несомненно

могут стать нераспространение, предотвращение и урегулирование конфликтов, ядерные отходы, экологические проблемы, терроризм, транснациональная преступность. Можно также наметить сферы вне проблем безопасности, где следует наладить **взаимовыгодное сотрудничество** — создать значимые проекты, которые подкрепили бы политику взаимодействия и служили бы аргументом в его пользу для политиков. Такие проекты могут быть найдены в сфере торговли и экономики освоения космоса, современных средств связи и Интернета.

Задачи на краткосрочную перспективу. Было бы крайне желательно решать краткосрочные задачи (ПРО, переговоры по СНВ) только в условиях, когда с США будет завязан диалог о долгосрочных перспективах наших отношений. Главная из возникающих в наших отношениях военно-технических проблем является **проблема ПРО и Договора 1972 года**. *Но в основе этой проблемы также лежит недоверие — США заявляют, что система ПРО не направлена против России, а наши военные утверждают обратное.*

Аргументом в пользу сохранения Договора по ПРО, например, безусловно, служит то, что мы живем еще в "старой системе координат" или традиционном понимании стратегической стабильности. Простейшим доказательством этому служит то, что наши ядерные потенциалы по-прежнему направлены друг на друга, а их модернизация также происходит "vis-a-vis" друг друга. Поэтому мы не можем перейти, как к этому призывает президент Буш, к новому пониманию стратегической стабильности, основанному на средствах обороны и наступления одновременно. Любые неожиданные и несогласованные "революционные" изменения в данной области могут лишь серьезно ухудшить ситуацию и подорвать стабильность. Сохранение Договора по ПРО отнюдь не означает его неизменности. Можно пойти на взаимный отказ от Протокола 1974 года, ограничивавшего число районов базирования с двух до одного или принять новый Протокол, который бы, наоборот, увеличивал число таких районов. Можно принять дополнительные согласованные заявления к Договору, где разъяснить согласие сторон по более узким техническим и процедурным проблемам. В случае решения вопроса о начале развертывания — в интересах России, безусловно, обеспечить "прозрачность" развертывания, добиться принятия четких ограничений, которые максимально бы снизили эффективность применения системы против России.

Главным здесь, все же, остается вопрос, зачем России идти навстречу США в вопросах ПРО. Однако вероятность самостоятельных шагов США в области ПРО также существует. Следовательно, в наших интересах предложить США пакет своих требований в обмен на решение об ограниченном изменении Договора по ПРО. В этот пакет может быть включено абсолютно все, что представляется нам необходимым: от смягчения позиции США по вопросам нашего сотрудничества с Ираном, поддержки нашего членства в ЕС и ВТО до привлечения инвестиций в конкретные проекты.

Важнейшей проблемой для нас в ближайшие годы в отношениях с Западом опять станет расширение НАТО. Нашим интересам национальной безопасности, как они воспринимаются в России, не был бы нанесен заметный ущерб от расширения НАТО на страны, не граничащие с Россией. Но мы, согласившись с включением в члены альянса новых стран ЦВЕ, могли бы потребовать от США фактического не включения в НАТО стран Балтии. При этом, можно было бы предусмотреть решение проблемы безопасности этих стран иным образом — например, путем предоставления "перекрестных гарантий безопасности" этим странам со стороны НАТО и России. Кроме того, можно было бы зафиксировать некоторое совместное понимание параметров дальнейшей модернизации НАТО, наметить возможность принятия в НАТО России. Включение таких положений в пакет дало бы возможность избежать серьезнейшего кризиса в отношениях с США и Западом в самом ближайшем будущем, когда будет объявлено о подготовке к вступлению в НАТО стран Балтии.

Что касается реального развертывания ПРО, то это перспектива достаточно отдаленного будущего (не решены ключевые технические проблемы). К тому же оно может просто сойти на "нет", как это было при Рейгане и после него, особенно после возврата к власти в США демократов.

Представляется важным, чтобы мы не теряли время и использовали весь имеющийся у нас арсенал средств для того, чтобы направить развитие событий по приемлемому для нас сценарию. В частности, необходимо вновь, как и в 80-е годы, *найти возможность объединить усилия движения "анти-ПРО", которое по-прежнему сильно среди ученых и общественности США и российских ведущих ученых и общественных деятелей.* Координацию такой акции можно было поручить соответствующим подразделениям администрации Президента.

На направлении сокращения СНВ нам не следовало бы идти на односторонние, не взаимосвязанные сокращения, исходя из соображений, изложенных выше.

Крайне важно, чтобы наши политики и дипломаты в диалоге с американскими представителями следовали всем правилам дипломатического искусства — прежде чем перейти на обсуждение каких-либо "пакетных договоренностей" с США, российским представителям следует всячески завышать цену будущему компромиссу и в течение некоторого времени держаться на прежних позициях. Имевшие место в прошлом стремительные "сливы" наших позиций без каких-либо условий нанесли России заметный урон.

И последнее. В наших отношениях с США немаловажное значение продолжает иметь личностный фактор. Но даже если следствием одной из предстоящих встреч в верхах будет "продавливание сверху" накопившихся негативных наслоений в наших отношениях, без тщательно проработанной схемы предметной поддержки любые декларации "нового сотрудничества" между Россией и США будут обречены на провал.